

АМИТАБХ БАЧЧАН:

«Я не хочу, чтобы мне вручали «Оскара»»

Ирина Михайлова

Мегазвезду индийского кино Амитабха Баччана в 70–80-х годах в России знали не хуже, чем на родине. Его «молодые угрюмые юноши» на фоне прекрасных пейзажей и полуобнаженных танцовщиц воспринимались принцами из экзотической страны грез. Недаром совместный российско-индийский фильм с его участием назывался «Черный принц». После долгого перерыва идол самой известной индийской киностудии «Болливуд» вернулся на экраны. Корреспондент «Новых Известий» встретила с Амитабхом Баччаном в Мумбае, в центре индийского кинопроизводства.

– В Индии вы снова суперпопулярны. Только и говорят, что о вашем возвращении в кино: «В Болливуд вернулся его главный бренд».

– Как меня только не называют: и бренд, и человек-оркестр, и человек-индустрия, и Биг Би (Большой Баччан). Люди знают, что жизнь у меня была непростая. Сначала слава и всеобщее восхищение, потом я еле вырвался из тисков смерти, пройдя жуткий лабиринт тяжелейшей болезни. Занимался политикой – неудачно. Пережил банкротство. Сейчас я вернулся не только в кино, но и в жизнь. У меня нескончаемые социальные акции, публичные выступления, участие в светомузыкальных шоу в фортах и храмах по всей Индии по заказу министерства по туризму.

– Вы долго не снимались. Что стоит за вашим решением вернуться на экран?

– Мой «угрюмый юноша» 70-х с пылкими речами врезался в память всех индийцев, так как 100% индийцев ходили и ходят в кино. Теперь во мне опять возникла потребность. Вернувшись на экран, я не пытаюсь играть молодых. Возраст все-таки... В фильме Baghban я играю 62-летнего старика. В фильме Khakee – могущественного полицейского, пожилого и страдающего астмой.

– Вы всегда играли героев. Не трудно ли менять имидж?

– Я играл характерные роли, а не героев. Традиционно герой всегда молод и у него есть возлюбленная. А только в двух фильмах у меня были любовные сцены, если их так можно назвать. Это Duwar и Shakti. В действительности я против поцелуев на экране, откровенных сцен и раздеваний. Я не люблю целоваться на экране. Иногда мне приписывают всякие любовные истории, на что я всегда отвечаю: «В моем возрасте инициатива уже не может идти от меня, это все женщины провоцируют».

– Вы пережили тяжелейший период: болезни, горечь поражений. Вы не боитесь начинать сначала? Снова входить в ту же реку?

– Когда достигаешь определенного возраста, понимаешь, что надо заботиться о своих близких. Обеспечить финансовую безопасность семье, огородить ее от бед. И «Болливуд» готов мне помочь в этом. Я получаю такие же гонорары, как и молодой любимец нации Ша Ру Хан. За фильм – 700 тыс. долл. Мой годовой доход равняется 3 млн. долл. У меня были разные машины: сначала – «Фиат», потом – «Понтиак», теперь – «Мерседес-Бенц».

В хинди-фильмах нет места для Джека Николсона и Аль Пачино. Поэтому, мне кажется, я как актер буду еще востребован. Я работаю только на 50% моих возможностей: у меня раздавлены 4 позвонка вследствие аварии в 1982 году, что привело к клинической смерти, множеству операций, а мой желудок сейчас как поле для игры в гольф. Но как только я слышу: «Мотор! Съемка!» – адреналин вбрасывается в кровь. Я вхожу в раж. И я уверен, что могу провести сцену на уровне молодых актеров.

– Я знаю, что директора киностудий наперебой предлагают вам новые роли.

– Это правда. Я работаю сейчас намного больше, чем в 70-х годах. Это съемки, публичные акции, телевидение. Моя семья говорит мне, что я себя убиваю, у меня нет свободного времени. А что такое свободное время и что мне с ним делать? Если я

не буду работать с продюсером, который ко мне обращается, я пройду мимо своей судьбы. И я соглашаюсь. Я вообще не люблю говорить «нет» людям.

– Как изменился «Болливуд» по сравнению с 70-ми годами? Многим за пределами Индии кажется, что здесь все остается по-прежнему, как 40 лет назад.

– Во-первых, я не люблю, чтобы нас называли «Болливуд», по созвучию с Голливудом. Мы делаем хинди-фильмы. В Америке нет места для наших фильмов, зачем постоянно мечтать о Голливуде и делать сравнения. Мне не нужна слава Голливуда, мне не нужен «Оскар». Наши киностудии имеют современные технологии. Молодое поколение режиссеров по-другому работает с актерами. Они говорят, что хотят сказать, они показывают, что хотят показать. Когда я получаю сценарии, режиссер посвящает меня в рекламную кампанию, обсуждает рекламный дизайн, дату выпуска фильма на экран. Я разделяю общую ответственность. Еще одна необычная вещь: женщины появились в нашей киноиндустрии не только как актрисы. Еще лет 5 – и женщины «зарулят» кинопроизводством. Представляете, уже есть женщины-директора фильмов.

– Ваш последний фильм Dev («Бог») посвящен расовым проблемам современной Индии. Не обиделись ли на вас мусульмане или индусы-фундаменталисты?

– Dev – это новый стиль для хинди-кино. Вы не увидите на экране ни привычных танцев и песен, ни растянутой индийской лиричности. Смешение реалистического повествования с документальными кадрами и политико-социальными оценочными комментариями о религиозной нетерпимости и политическом крючкотворстве. Все очень жестко. Сняты реальные события, происходившие в Мумбае (бывший Бомбей). – Ред.) в 1992–1993 годах в мусульманском районе. Это фильм о фанатизме, религиозной нетерпимости, коррупции в полиции. Он снят в натуралистической манере: сломанные руки и ноги, обутленные тела, кровь брызжет. В какой-то момент кажется, что и ты весь в крови, и руки у тебя от крови липкие. Никто никого не жалеет, все беспощадно. До боли и ужаса все реально: фундаменталисты-хинди, мусульманские экстремисты, коррумпированные политики.

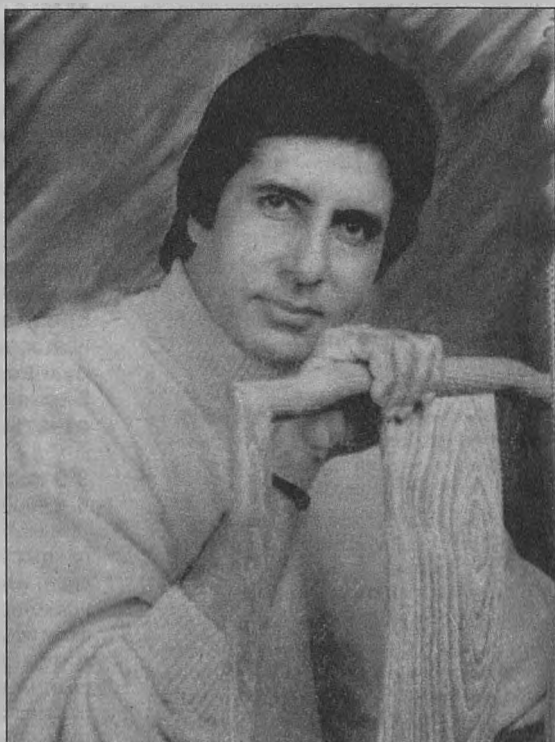
– Ваш отец был известным поэтом. Можно ли сказать, что талант – вещь наследуемая?

– Что-то передается генетически. Мой отец Хариваншрай Баччан – поэт, филолог-классик, писатель, он был очень эрудированным человеком. Он написал и проиллюстрировал книгу об Омаре Хайяме «Дни, полные вина и осыпанные розами». Отец для меня не умер. Его комната осталась без изменений. Я захожу в нее, чтобы просить благословения. Обычно это в 3 часа утра. Затем я еду в свой новый дом увидеться с семьей, просмотреть бумаги, и опять возвращаюсь в дом родителей в Прагикша, чтобы увидеться с матерью. К сожалению, она очень стара и не все понимает, что ей говорят. Но я разговариваю с ней, рассказываю все, что происходит. И когда она говорит: «Не опаздывай!» или «Ты обедал сегодня?» – я ухожу с надеждой. Ей 85 лет, а мне 62 года. Я ребенок по сравнению с ней.

– А в политику вы пошли для чего?

– Я заплатил слишком высокую цену за мое увлечение политикой. Я никому не посоветую заниматься политикой, тем более никому из моей семьи. Политика требует особого мастерства и особых способностей. Раджив Ганди был моим большим другом, мы вместе учились, плавали в одном бассейне, вместе занимались в авиационном клубе в Дели. Убийство Индиры Ганди подтолкнуло меня к политике, я хотел быть рядом с Радживом, это было эмоциональное решение. Когда он попросил меня участвовать в выборах от штата Аллахабад, я не отказался. Он стал премьер-министром, и были объявлены всеобщие выборы. У меня была своя команда, и я бросился в политический омут. Я выиграл выборы, но потом наступили черные дни: суд, приговор, убийство Раджива Ганди, наложение ареста на мое имущество, отъезд в Нью-Йорк. Мое имя было смешано с грязью, связывалось с политическими дрязгами, обманом, коррупцией, воровством, отмыканием денег. Я дорого заплатил за 2,5 года пребывания в политике.

Амитабх БАЧЧАН родился 11 октября 1942 года в Индии. Первая роль в фильме «Семь индийцев» (1968) хотя и не принесла особого успеха, но не прошла незамеченной. Актера все чаще стали приглашать на главные роли в развлекательных лентах. И уже к середине 70-х годов он стал «звездой №1» в индийском кино. Он почти всегда играл рыцаря без страха и упрека, готового прийти на помощь слабому. Фильмы с участием этого актера пользовались беспрецедентным успехом, многие из них с аншлагом шли и в России: «Амар, Акбар, Антоний», «По закону чести», «Затянувшаяся расплата» и многие другие. В 2000 году Национальная ассоциация кинематографистов Индии признала его актером тысячелетия.

Новые Известия - 2004 г. - 28 мая - 25